

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

Специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность (специализация
Оперативно-розыскная деятельность, профиль образовательной программы –
Деятельность подразделений по контролю за оборотом наркотиков),
заочная форма обучения

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по теме:

**ЗАДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ :
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Выполнил:

Слушатель 6 курса группы П2012
капитан полиции
Мякотин Вячеслав Александрович

Руководитель:

Начальник кафедры уголовного
процесса СибЮИ МВД России
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции
Абрамова Любовь Леонидовна

Дата защиты:

« 21 » апреля 2026 г.

Оценка: отлично

Председатель ГЭК

Иванович Иван
(специальное звание)

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Красноярск 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-правовые основы задержания в уголовном процессе.....	6
1.1 Различные подходы к понятию и сущности задержания подозреваемого .	6
1.2 Зарубежный опыт кратковременного ограничения свободы лица, подозреваемого в совершении преступления	12
1.3 Эволюция отечественного нормативного регулирования в области задержания	17
Глава 2. Предпосылки принятия решения о задержании лица	26
2.1. Цели, мотивы, условия задержания	26
2.2. Основания задержания подозреваемого	39
Глава 3. Проблемы задержания при проведении оперативно-розыскных мероприятий	47
Заключение	55
Список использованной литературы.....	58

Введение

Актуальность темы. Институт задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, занимает одно из центральных мест в системе мер государственного принуждения, применяемых в уголовном судопроизводстве. Будучи действенным инструментом в руках государства для пресечения преступлений, обеспечения неотвратимости ответственности и предупреждения новых противоправных деяний, задержание одновременно представляет собой одно из наиболее острых вторжений в сферу конституционных прав и свобод человека.

Актуальность исследования проблем задержания в уголовном судопроизводстве обусловлена постоянным диалектическим противоречием между необходимостью эффективной борьбы с преступностью и безусловной обязанностью государства соблюдать и гарантировать фундаментальные права человека. Несмотря на детальную регламентацию процедуры задержания в уголовно-процессуальном законодательстве, в правоприменительной практике сохраняется комплекс существенных теоретических и практических проблем.

К теоретическим проблемам можно отнести неоднозначность толкования ряда процессуальных оснований и условий задержания, дискуссии о его процессуальной природе (мере пресечения или самостоятельной мере процессуального принуждения), сложности в разграничении задержания от смежных институтов (привод, административное задержание). Практические проблемы носят еще более острый характер и проявляются в виде массовых нарушений процессуальных сроков, порядка оформления протоколов, несоблюдения требований о незамедлительном уведомлении близких родственников и предоставлении защитника, злоупотреблений при квалификации «неотложных» оснований для задержания. Зачастую задержание используется не как исключительная мера, а как рутинный инструмент оперативно-розыскной и следственной деятельности, что ведет к

его девальвации и росту числа незаконных и необоснованных ограничений свободы.

Различные аспекты проблем уголовного процессуального задержания рассмотрены в трудах таких ученых и практиков, как: И.Я. Фойницкий, М.С. Строгович, А.П. Гуляев, Б.Б. Булатов, В.В. Кальницкий, С.Б. Россинский, К.В. Муравьев, П.М. Давыдов, З.З. Зинатуллин, В.И. Борисов и многие другие.

Целью данной работы является комплексный анализ института задержания в уголовном судопроизводстве через призму актуальных проблем теории и правоприменительной практики, а также разработка предложений по совершенствованию его законодательного регулирования и применения.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Рассмотреть различные подходы к понятию и сущности задержания подозреваемого.
2. Представить зарубежный опыт кратковременного ограничения свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.
3. Охарактеризовать эволюцию отечественного нормативного регулирования в области задержания.
4. Рассмотреть цели, мотивы, условия, основания задержания подозреваемого.
6. Выявить проблемы обеспечения надлежащего порядка задержания подозреваемого и пути их решения.
7. Рассмотреть проведение оперативно-розыскных мероприятий с задержанным подозреваемым.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе применения меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве. *Предметом исследования* являются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие данный институт, теоретические воззрения ученых-процессуалистов, а также материалы следственной и судебной практики.

Методологическая основа исследования – диалектический метод научного познания, системный подход и анализ, а также различные специальные методы исследования: анализ научной литературы, синтез, обобщение, статистический метод, исторический анализ результатов исследования.

Эмпирическую базу исследования составили опубликованные материалы следственной и судебной практики, ведомственной статистики, демонстрирующие задержание в уголовном судопроизводстве. Собраны и проанализированы мнения практических сотрудников следственных и оперативных подразделений полиции ГУ МВД России по Алтайскому краю в количестве 48 человек.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, современное и ретроспективное отечественное законодательство, иные источники, постановления Пленума Верховного Суда РСФСР и Российской Федерации по тематике исследования.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1.1 Различные подходы к понятию и сущности задержания подозреваемого

Задержание представляет собой один из фундаментальных и исторически сложившихся институтов отечественного права, который играет ключевую роль в защите интересов всех участников уголовного процесса и обеспечивает успешное и эффективное проведение расследования. Многовековая практика правоохранительной деятельности убедительно подтверждает не только значимость, но и неизбежность применения задержания в уголовном процессе. Между тем, вопрос о его правовой сущности продолжает оставаться предметом острых дискуссий, что существенно тормозит прогресс в развитии теории, законодательства и практики в данной области.

Россинский С.Б. обозначил три основных подхода к определению сущности задержания¹. Первый подход трактует его как меру процессуального принуждения, заключающуюся в кратковременном ограничении свободы и помещении лица в изолятор временного содержания. Эта позиция, уходящая корнями в труды дореволюционных (И.Я. Фойницкий², В.К. Случевский³) и советских ученых (М.А. Чельцов⁴, Д.С. Карева⁵ и др.), получила законодательное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) и в настоящее время поддерживается большинством исследователей (В.Н. Григорьев⁶,

¹ Россинский С.Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. – С. 175-186.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб.: Альфа, 1996. – С. 334

³ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – С. 359-360.

⁴ Чельцов М.А. Уголовный процесс. – М.: МЮ СССР, 1948. – С. 365.

⁵ Советский уголовный процесс / под ред. Д. С. Карева. – М.: Высшая школа, 1968. – С. 205.

⁶ Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. – М.: ЮрИнфор, 1999. – С. 66-68.

Л.В. Головки¹, М.Е. Токарева² и др.). Сторонники второго подхода (И.Е. Быховский³, С.А. Шейфер⁴, В.М. Быков⁵) рассматривают задержание в качестве следственного действия, основной целью которого является собирание доказательств. Третий, компромиссный подход определяет данный институт как меру принуждения, которая, однако, обладает определенной поисково-познавательной функцией, сближающей его со следственными действиями. Несмотря на сохраняющиеся в науке разногласия, дискуссия в значительной мере утратила свою остроту после того, как законодатель однозначно отнес задержание подозреваемого к мерам процессуального принуждения в УПК РФ. Тем не менее, рассмотрение задержания в качестве следственного действия имеет под собой определенную почву и требует тщательного анализа. Основным фактор, способствующий научной дискуссии, заключается в отсутствии унифицированного определения следственного действия. В этой части в науке сформировались две основные позиции. Сторонники узкой трактовки (Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин, С.А. Шейфер и др.) относят к ним исключительно действия поисково-познавательного характера. В то время как приверженцы широкого подхода (М.А. Чельцов, А.М. Ларин, И.Ф. Герасимов и др.) включают в эту категорию любую процессуальную деятельность органов расследования. Именно вторая, расширительная позиция позволяет рассматривать задержание – как акт реализации властных полномочий – в числе следственных действий. Этой точки зрения, например, придерживался И.М. Гуткин, специально оговаривая широкое значение термина⁶.

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – С. 524–525.

² Токарева М.Е., Буланова Н.В., Быкова Е.В., Власова Н.А., Руденко С.В. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / под ред. М.Е. Токаревой. – М.: Юрлитинформ, 2005. – С. 28.

³ Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий: учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977. – С. 10–11.

⁴ Шейфер С.А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 91.

⁵ Быков В.М. Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. – 2007. – № 1. – 73.

⁶ Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания: учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – С. 5.

Законодательная история также предоставляет аргументы в пользу этой позиции. Например, в период действия УПК РСФСР статья 119 прямо относила задержание к «неотложным следственным действиям», и современные исследователи часто апеллируют к этой норме. Отголоском данного установления и еще одним доводом указанного мнения можно считать и действующее правило ст. 92 УПК РФ, требующее оформлять задержание протоколом (характерным для следственных действий), а не постановлением (как иные меры принуждения). Кроме того, проводимый при задержании личный обыск объективирует его познавательный характер.

В современном правовом дискурсе задержание обрело статус автономной, самодостаточной уголовно-процессуальной меры принуждения, интегрированной в раздел IV УПК РФ. Этот концептуальный сдвиг отражает принципиальное переосмысление природы задержания, что, в свою очередь, свидетельствует о трансформации парадигмы гарантий для участников уголовного судопроизводства. Задержание регламентируется статьями 91 и 92, где расшифровывается как мера, осуществляемая властными субъектами, сроком, не превышающим 48 часов с момента фактического захвата лица, подозреваемого в совершении преступления. Современные исследователи разработали комплексные подходы к определению сущности задержания, которые можно представить следующим. Так, О.В. Химичева определяет задержание как «меру процессуального принуждения, применяемую в отношении подозреваемого и заключающуюся в его кратковременной изоляции от общества»¹. Б.Б. Булатов – как «меру процессуального принуждения, связанную с краткосрочным содержанием под стражей, применяемую с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления»². В.В. Кальницким, исходя из предназначения,

¹ Химичева О.В., Мичурина О.В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2015. С. 210.

² Уголовный процесс: учебник для среднего профессионального образования / Б.Б. Булатов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 298.

высказывается мнение, что процессуальное задержание, должно именоваться «кратковременным арестом»¹.

Комплексное исследование норм УПК РФ о задержании показывает неоднозначность этой правовой категории. С одной стороны, п. 11 ст. 5 УПК определяет его как меру процессуального принуждения, что акцентирует его принудительную природу и статус как процессуального решения о кратковременном лишении свободы. С другой – гл. 12 УПК раскрывает задержание как целый комплекс последовательных действий: составление протокола, личный обыск, направление уведомлений². Поэтому рассматривать задержание однозначно и исключительно как меру принуждения было бы некорректно, это более широкий процессуальный институт.

Именуя Главу 12 УПК РФ «Задержание подозреваемого», законодатель, на наш взгляд, допустил неудачный выбор названия главы и содержащихся в ней статей 91 и 92 УПК РФ, озаглавленных как «Основания задержания подозреваемого» и «Порядок задержания подозреваемого» соответственно. При буквальном толковании этих положений возникает парадоксальная ситуация: задержание представляется возможным исключительно в отношении участника уголовного процесса, имеющего статус подозреваемого, а не лица, заподозренного в совершении преступления. Вместе с тем подозреваемым является лицо, задержанное в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ, то есть статус подозреваемого лицо приобретает только после задержания, до этого оно не является таковым. Таким образом, получается, что до момента задержания лицу уже должен быть присвоен статус подозреваемого, что в ряде случаев может быть проблематичным. Поэтому употребление термина «подозреваемый» в обозначенных статьях не согласуется с их содержанием. Наиболее удачной была формулировка, употреблявшаяся в ст. 122 УПК

¹ Кальницкий В.В. О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова, Омск, 16 февраля 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 156.

² Березина Е. С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : ВНИИ МВД России, 2009. С. 86.

РСФСР, - «задержание лица, подозреваемого в совершении преступления или лица по подозрению в совершении преступления»¹. Таким способом, законодатель принципиально разграничивал статус преследуемых лиц.

В теории уголовного процесса и нормативно-правовой базе существует указание на два разных принудительных действия властвующих субъектов уголовно-процессуальных отношений относительно задержания подозреваемого: 1) фактическое задержание лица; 2) уголовно-процессуальное задержание лица». Так, по мнению М.М. Шамсутдинова, «...можно говорить о существовании в уголовно-процессуальном законе двух разновидностей задержания: собственно уголовно-процессуального и фактического». Следует учитывать и иную теоретическую позицию, рассматривающую физический захват как возможный элемент официального задержания. Однако «фактическое задержание» не всегда имеет процессуальную природу и может существовать независимо от него. Момент его начала определяется в теории по-разному: защита настаивает, что это миг лишения свободы передвижения, тогда как обвинение связывает его с доставкой лица к уполномоченному должностному лицу или в учреждение.

Сама по себе дефиниция «фактическое задержание» в законе раскрыта. Объективно эти действия имеют полицейские или оперативно-розыскные черты, которые введены в сферу уголовно-процессуального регулирования, поскольку призваны гарантировать конституционные права граждан. Ведь именно с момента фактического ограничения свободы начинается течение 48-часового срока задержания, возникает право на защиту, а с момента доставления берет отсчёт 3-часовой срок для изготовления протокола.

По мнению С.Б. Россинского, «фактическое задержание является самым первым (допроцессуальным) этапом всей процедуры задержания подозреваемого в совершении преступления». С точки зрения Е.А. Купряшиной и Е.И. Наумова, «момент фактического лишения свободы

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // <http://www.consultant.ru>.

начинается, когда лицо захвачено, когда ему запрещено распоряжаться своей судьбой, удержание лица где-либо».

Доктрина уголовного процесса определяет момент задержания как время составления протокола. Существует научная точка зрения, согласно которой процедура задержания подозреваемого варьируется в зависимости от этапа, на котором лицо было фактически захвачено. В ситуации, когда уголовное дело еще не возбуждено, задержание в его процессуальной форме (содержание под стражей) невозможно. Иначе обстоит дело при уже возбужденном производстве: здесь физическое задержание интегрируется в процессуальный механизм и становится его начальной стадией.

«Отдельного упоминания заслуживает дискуссия между видными отечественными учеными-процессуалистами С.Б. Россинским и А.А. Тарасовым, предметом которой является вопрос о правовой природе задержания подозреваемого по уголовному делу». Изначально дискуссия возникла между С.Б. Россинским и С.А. Шейфером, впоследствии к ней присоединился А.А. Тарасов. «Следует отметить, что аргументы А.А. Тарасова повлияли, в конечном итоге, на то, что С.Б. Россинский частично изменил свою позицию и предложил не менее оригинальный и, как нам представляется, верный выход из существовавшей теоретической коллизии». «Камнем преткновения в споре стал вопрос о познавательной способности задержания и необходимости считать его следственным действием, указанной позиции придерживался С.А. Шейфер, излагая свои доводы в статье «Доказательственное значение протокола задержания подозреваемого». «Аргументация его заключалась в том, что в исключительно в протоколе задержания осуществляется фиксация времени, места и основания такого задержания. С.А. Шейфер утверждал, что на практике, значительная часть уголовных дел возбуждается на основании сведений, полученных в ходе фактического задержания». С.Б. Россинский не был согласен с указанной точкой зрения, утверждал, что задержание не может являться познавательным действием, а является исключительно мерой процессуального принуждения.

А.А. Тарасов же предложил двоякий подход к процессуальной природе задержания подозреваемого. В частности, он указывал, что задержание «это и мера уголовно-процессуального принуждения, и следственное действие по собиранию доказательств, а протокол задержания это, соответственно, протокол следственного действия, то есть полноценное доказательство, включенное в перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В свою очередь, С.Б. Россинский предложил рассматривать задержание как многогранный правовой феномен, он утверждает, что оно не сводится только к мере процессуального принуждения, а выступает также в ипостасях совокупности режимных мероприятий, процессуальной комбинации и тактической операции».

Именно трактовка задержания как комбинации или операции позволяет включить в его структуру познавательные компоненты: допрос, личный обыск (когда это оправдано), другие следственные и даже непроцессуальные действия. Исходя из этого, существующие в теории разнообразные взгляды на задержание являются не взаимоисключающими, а отражают разные этапы или стороны одного комплексного института.

На наш взгляд, концепция, рассматривающая задержание как многоуровневый и многогранный институт, обладает наибольшей универсальностью. Она предоставляет необходимую гибкость для анализа спорных и противоречивых аспектов в рамках каждого конкретного случая применения данной меры. На основании проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Задержание характеризуется сложной, многоаспектной природой. Оно может быть рассмотрено не только как мера процессуального принуждения, но и, в своих проявлениях в качестве процессуальной комбинации и тактической операции, как следственное действие, направленное на собирание доказательств.

С.Б. Россинский выделяет четыре аспекта, раскрывающих сущность задержания подозреваемого: 1) *Мера процессуального принуждения*. Задержание представляет собой предусмотренное УПК РФ принудительное средство, применяемое уполномоченным лицом для пресечения возможных

препятствий в расследовании и судебном разбирательстве. Оно обладает всеми признаками государственного принуждения в уголовном процессе: строгая законодательная регламентация оснований, субъектов, сроков и порядка применения, а также возможность использования только в рамках возбужденного уголовного дела. 2) *Процессуальная комбинация*. Это комплекс взаимосвязанных следственных и иных процессуальных действий, объединенных общим решением для достижения конкретных задач судопроизводства. Данная комбинация прямо предусмотрена уголовно-процессуальным законом. 3) *Тактическая операция*. В данном качестве задержание понимается как совокупность действий (следственных, процессуальных, оперативно-розыскных, организационно-технических), направленных на решение конкретной задачи расследования. Её содержание определяется сложившейся следственной ситуацией. 4) *Совокупность режимных мероприятий*. Этот аспект связан с помещением лица в изолятор временного содержания и его содержанием под стражей. К режимным мероприятиям относятся: прием, личный обыск, дактилоскопирование, фотографирование, опрос, санитарная обработка и размещение в камере¹.

Исходя из изложенного, можно заключить, что понятие «задержание» является комплексным и охватывает широкий спектр значений.

Опрос действующих сотрудников практических органов выявил, что задержание классифицируют по различным критериям: а) по количеству лиц – одиночное или групповое; б) по месту проведения – в транспорте, жилом помещении, общественном месте и т.д.; в) по наличию подготовки – спланированное или внеплановое. Наибольшие сложности, как правило, вызывает групповое задержание, которое часто требует тактического разобщения лиц для последующего индивидуального применения мер. Приведенная классификация не является исчерпывающей.

¹ Россинский С.Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. – С. 175-186.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство в части регулирования задержания, включая его фактическую стадию, нуждается в более детальной регламентации. Целесообразным шагом представляется законодательное закрепление в УПК РФ понятия «фактическое задержание». Подобное уточнение будет способствовать унификации терминологии и преодолению существующих в доктрине разногласий относительно двойственной природы данного института.

1.2 Зарубежный опыт кратковременного ограничения свободы лица, подозреваемого в совершении преступления

Институт кратковременного ограничения свободы лица на начальных этапах уголовного преследования представляет собой один из наиболее чувствительных узлов соприкосновения публичных интересов, связанных с необходимостью эффективного расследования преступлений, и фундаментального права индивида на свободу и личную неприкосновенность. Данная мера процессуального принуждения, будучи по своей природе экстраординарной, требует детальной правовой регламентации и наличия системы действенных гарантий от произвола. Анализ зарубежного опыта в этой сфере позволяет выявить доминирующие модели правового регулирования, их доктринальные основы и тенденции развития, что имеет существенное теоретическое и практическое значение для совершенствования национального законодательства.

В компаративистике традиционно выделяют две основные модели регулирования кратковременного задержания, коррелирующие с принадлежностью к англосаксонской или континентальной правовой семье.

Англосаксонская модель (система общего права), исторически сформировавшаяся в Англии и реципированная в США, Канаде, Австралии и других странах, базируется на принципе Habeas Corpus, требующем

незамедлительного представления задержанного суду для проверки законности и обоснованности лишения свободы¹.

В Соединенном Королевстве ключевым нормативным актом является Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года (Police and Criminal Evidence Act 1984, PACE). Согласно его положениям, задержание лица возможно лишь при наличии «разумных оснований» (reasonable grounds) подозревать его в совершении преступления. Срок первоначального полицейского задержания не может превышать 24 часа. Продление до 36 часов возможно по решению старшего офицера полиции (в ранге суперинтенданта), а дальнейшее продление до 96 часов – исключительно по санкции суда магистратов. Важнейшей гарантией является обязательное участие в процедуре «офицера по задержанию» (custody officer), независимого от следственной группы, который несет ответственность за соблюдение прав задержанного, включая право на юридическую помощь и право уведомить близких.

В США правовой фундамент составляют Четвертая поправка к Конституции, защищающая от необоснованных арестов, и прецедентное право Верховного суда. Стандартом для ареста является наличие «вероятной причины» (probable cause). Ключевыми прецедентами, определившими временные рамки, являются дела *Gerstein v. Pugh* (1975) и *County of Riverside v. McLaughlin* (1991). Согласно выработанной доктрине, лицо, арестованное без предварительного ордера судьи, должно быть представлено судебному органу (магистрату) для проверки наличия probable cause «без неоправданной задержки», как правило, в течение 48 часов с момента ареста. Этот срок включает выходные и праздничные дни. Нарушение 48-часового правила создает опровержимую презумпцию нарушения Четвертой поправки. Кроме

¹ Ходжалиев, С. А. Некоторые особенности применения наказания в виде ограничения свободы за рубежом // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 905-907.

того, с момента задержания действуют знаменитые «права Миранды» (Miranda rights), включающие право хранить молчание и право на адвоката¹.

Для континентальной модели (система романо-германского права), характерной для Франции, Германии, Италии и других стран, исторически была свойственна большая роль органов прокуратуры и следствия на досудебной стадии (инквизиционный процесс). Однако под влиянием наднациональных стандартов, в первую очередь практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), происходит неуклонная «юдициализация» процедуры задержания.

Во Франции институт полицейского задержания именуется «garde à vue» (букв. «содержание под стражей/на виду»). Его правовой режим регулируется Уголовно-процессуальным кодексом. Общий срок задержания составляет 24 часа, который может быть продлен еще на 24 часа по письменному разрешению прокурора Республики. По делам о терроризме и организованной преступности допускаются более длительные сроки (до 144 часов), но каждое продление требует санкции специализированного судьи – судьи по свободам и задержанию (juge des libertés et de la détention). Важнейшей реформой последних десятилетий стало закрепление права на доступ к адвокату с самого первого часа «garde à vue», что стало прямым следствием решений ЕСПЧ.

В Германии правовая регламентация содержится в Уголовно-процессуальном уложении (Strafprozessordnung, StPO) и Основном законе (Конституции) ФРГ. Статья 104 Основного закона устанавливает императивное требование: задержанное лицо должно быть доставлено к судье «не позднее чем на следующий день после задержания» (spätestens am Tage nach der Festnahme). Судья (Ermittlungsrichter) проверяет основания для задержания и решает вопрос о выдаче ордера на арест (Haftbefehl) или об освобождении. Таким образом, максимальный срок досудебного задержания без судебного решения строго ограничен и не может превышать 48 часов, но на практике исчисляется более жестко. Германская доктрина уделяет особое

¹ Ходжалиев, С. А. Некоторые особенности применения наказания в виде ограничения свободы за рубежом // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 905-907

внимание принципу соразмерности (Verhältnismäßigkeit), согласно которому ограничение свободы должно быть строго пропорционально тяжести подозрения и целям, которые преследует задержание¹.

Ключевую роль в гармонизации подходов к кратковременному задержанию играют международно-правовые акты и практика наднациональных судебных органов. Статья 9 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо «в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть». Статья 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод содержит аналогичное требование о «незамедлительном» представлении задержанного судье. Практика ЕСПЧ конкретизировала это понятие. В знаковом деле «Броган и другие против Соединенного Королевства» (1988) суд постановил, что задержание в течение четырех дней и шести часов без судебного контроля является нарушением пункта 3 статьи 5. Таким образом, был установлен ориентир, согласно которому срок задержания без судебной санкции, превышающий 3-4 дня, является заведомо неправомерным².

УПК Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана определяют задержание схожим образом – это мера процессуального принуждения, заключающаяся в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения. Несмотря на национальные различия в терминологии и деталях, можно выделить общие сущностные черты: 1) *Краткосрочность*. Это ключевой признак, отличающий задержание от заключения под стражу. Законодательство всех трех стран устанавливает строгие временные рамки. Типовой срок задержания – не более 48 часов с момента фактического ограничения свободы. В исключительных, строго

¹ Нека Л. И. Вопросы ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2. – С. 19–24.

² Новикова Е.А. Сущность ограничения свободы по законодательству зарубежных стран // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 246–249.

оговоренных законом случаях (например, при подозрении в совершении особо тяжких преступлений, терроризме или в условиях чрезвычайного положения) этот срок может быть продлен судом до 72 часов. Этот временной лимит предназначен для сбора первоначальных доказательств и решения вопроса о необходимости применения меры пресечения. 2) *Безотлагательность и внесудебность на первоначальном этапе*. Задержание применяется без судебного решения. Это обусловлено его пресекательным и безотлагательным характером, когда промедление может привести к сокрытию преступника или уничтожению доказательств. Основания для задержания в УПК Казахстана (ст. 128), Кыргызстана (ст. 102) и Узбекистана (ст. 221) практически идентичны и включают классические ситуации. 3) *Обязательное процессуальное оформление*. Поскольку момент задержания запускает механизм правовых гарантий, факт ограничения свободы должен быть немедленно зафиксирован в протоколе задержания. Таким образом, анализ законодательства Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана показывает, что институт задержания, унаследованный из советского прошлого, претерпел глубокую трансформацию. Определение и цели задержания остаются концептуально схожими, что обусловлено универсальной логикой данной процессуальной меры. Однако главным вектором развития для всех трех стран стало последовательное усиление судебного контроля и расширение процессуальных гарантий прав личности. Введение института следственного судьи, передача судам полномочий по санкционированию ареста и внедрение дополнительных механизмов защиты (как видеофиксация в Узбекистане) свидетельствуют о необратимом движении от следственно-прокурорской модели к механизму, где центральное место занимает суд как независимый арбитр.

На основе анализа зарубежного законодательства и международной практики можно выделить следующие общие тенденции:

1. Юдициализация контроля. Повсеместное усиление роли суда как единственного легитимного органа, правомочного санкционировать продление сроков ограничения свободы сверх минимально необходимого для

первоначальных действий. Роль прокурора в этом вопросе постепенно снижается.

2. Усиление процессуальных гарантий. Закрепление права на доступ к адвокату с первого часа задержания становится общеевропейским стандартом.

3. Формализация оснований. Законодательство стремится к максимально четкому и недвусмысленному определению оснований для задержания, уходя от расплывчатых формулировок.

4. Дифференциация сроков. Устанавливаются дифференцированные сроки задержания в зависимости от категории преступления, при этом максимальные сроки для особо тяжких преступлений (терроризм, наркоторговля) требуют более строгой судебной процедуры санкционирования¹.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта кратковременного ограничения свободы демонстрирует конвергенцию правовых систем в вопросах защиты прав личности. Несмотря на сохраняющиеся различия в доктринальных подходах и юридической технике, обусловленные принадлежностью к разным правовым семьям, общим вектором развития является имплементация модели, основанной на принципе верховенства права. Данная модель предполагает минимизацию сроков полицейского задержания, обязательный и скорый судебный контроль за его законностью и обоснованностью, а также обеспечение задержанному лицу комплекса неотъемлемых процессуальных прав, в первую очередь права на защиту. Глобальный правовой дискурс однозначно смещается от парадигмы целесообразности к парадигме законности, признавая судебную власть главным гарантом соблюдения баланса между эффективностью уголовного преследования и неприкосновенностью фундаментальных прав человека.

¹ Помошкова Н.В. Исторический аспект института уголовного наказания в виде ограничения свободы: Российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. №3 (21). С.108-112.

1.3 Эволюция отечественного нормативного регулирования в области задержания

Институт задержания подозреваемого в российском уголовном процессе имеет длительную и сложную историю, а его современная правовая форма существенно отличается от первоначальных подходов. Разнообразие в понимании самого термина «задержание» правоприменителями привело к отсутствию единой точки зрения на его исторические корни и момент возникновения в отечественном праве.

Существуют различные взгляды на время появления данного института. Например, В.М. Тогулев связывает начало его законодательной регламентации с «Наказом императрицы Екатерины II» 1767 года, где впервые были обозначены основания для заключения под стражу. В то же время Ю.Б. Чупилкин полагает, что институт подозреваемого зародился гораздо раньше – с момента упоминания понятий «подозрение» и «подозрительная особа» в «Кратком изображении процессов» 1715 года, что поддерживает В.Ю. Мельников¹. П.А. Смирнов относит возникновение проблемы содержания под стражей без официального обвинения к 1775 году – периоду издания «Учреждений для управления губерний»².

Действительно, первые упоминания о задержании прослеживаются в древнерусском праве. Так, «Русская Правда» (XII–XIII вв.) содержит нормы, предусматривающие поимку вора на месте преступления с последующим содержанием до рассвета и приводом на княжеский двор. «Псковская судная грамота» (1462 г.) регламентировала «езд» – доставку лица в суд приставами, которые имели право применять оковы. Часто инициатором и исполнителем задержания выступал сам потерпевший после подачи

¹ Мельников В.Ю. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе: монография / Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов-н/Д, 2010. С. 166.

² Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 219.

челобитной (жалобы)¹. Анализ этих источников позволяет сделать вывод, что уже в древнерусский период задержание понималось как взятие под стражу лица, заподозренного в преступлении, с целью выяснения обстоятельств дела. Однако, отсутствие разделения на уголовный и гражданский процесс, а также частно-исковой характер судопроизводства того времени привели к серьёзному недостатку – факт задержания не подлежал обязательному документальному оформлению. Тем не менее, именно в этот период в правовом поле закрепились такие ключевые действия, как физический захват и доставление лица.

Следующим этапом в развитии норм о задержании стал Судебник 1497 года, который ввёл различие между двумя формами процесса: состязательным (суд) и инквизиционным (розыск). Ключевым нововведением, на наш взгляд, стал переход инициативы в производстве розыска и задержания лица к государственным органам. Однако эти нормы ещё не содержали четкого понятийного аппарата и не определяли правовой статус задержанного². Задержание по-прежнему рассматривалось преимущественно как способ лишения свободы для обеспечения участия лица в розыскных действиях.

Соборное Уложение 1649 года, несмотря на прогрессивную для своего времени систематизацию, всё ещё не проводило чёткой границы между процедурой задержания и мерой пресечения в виде заключения под стражу. Лицо, подозреваемое в преступлении, обозначалось терминами «вор», «тать» или «злодей», а задержание, по сути, оставалось способом принудительного лишения свободы для целей розыска. Тем не менее, выделение отдельных видов и порядка задержания стало значительным шагом в развитии данного института. Задержание начало выполнять две основные функции –

¹ Тогулев В.М. Задержание в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1991. С. 9.

² Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. С. 23

обеспечения участия лица в расследовании и предупреждения новых преступлений со стороны лиц, чья благонадежность вызывала сомнения¹.

Значительный вклад в становление института задержания подозреваемого внесли «Новоуказные статьи о татейных, разбойных и убийственных делах» (1669 г.). Этот акт разграничил обязанности: губные старосты осуществляли задержание для предотвращения влияния подозреваемого на «повальный обыск», а сыщики направлялись «для великих дел». Важной новеллой стала статья 14, возложившая на всех горожан под угрозой штрафа обязанность задерживать и передавать властям воров и разбойников, что фактически ввело долг граждан по поимке преступников².

Важным этапом стало «Краткое изображение судебных процессов и тяжёб» (1715 г.), закрепившее категории «подозрение» и «подозрительная особа» и указавшее конкретные основания для возникновения подозрения, такие как попытка скрыться или противоречивые показания. Это положило начало формированию системы оснований для задержания.

С учреждением полиции в 1718 г. личное задержание стало применяться ею как мера безопасности, в том числе в отношении «подозрительных» лиц без определенных занятий. Однако производство розыска по серьезным преступлениям оставалось за сыскными органами, куда полиция обязана была передавать задержанных. Наряду с полицией правом задержания наделялись и частные лица, что закреплялось, например, в Воинском Артикуле³.

Ключевой проблемой периода оставалось отсутствие законодательного разграничения между полицейским задержанием, следственным арестом и мерой пресечения. Понятия «задержание» и «арест» часто использовались как синонимы. Тем не менее, в законодательстве получили развитие процедуры

¹ Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 1. С. 412–414.

² Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. С. 10.

³ Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. канд.юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2001. С. 24.

физического захвата, доставления, общего порядка содержания под стражей и освобождения.

Качественный скачок связан с правлением Екатерины II. «Наказ» (1767 г.) и «Устав благочиния» (1782 г.) впервые четко сформулировали основания для задержания (показания свидетелей, признание, вражда с потерпевшим и др.) и предложили принципиально важное разделение мер пресечения и уголовного наказания¹. «Наказ» раскрывал задержание (содержание под стражей) как меру для обеспечения следствия, применяемую полицией, а тюремное заключение как наказание по приговору суда.

«Учреждения для управления губерний» (1775 г.) впервые обозначили проблему содержания под стражей без официального обвинения и, что революционно, предоставили задержанному право обжаловать арест в Совестном суде, если в течение трех дней ему не были предъявлены причины².

Наконец, «Устав благочиния» 1782 г. окончательно закрепил задержание как исключительную прерогативу полиции, четко разграничив розыскную, следственную и судебную сферы. Полиция теперь отвечала за обнаружение, предупреждение преступлений, задержание, первичное исследование на месте и передачу дел в суд.

Таким образом, к концу XVIII века в российском законодательстве произошла значительная систематизация института задержания – были выделены его основания, разграничены функции полиции и суда, введены элементы судебного контроля, а само задержание стало рассматриваться как самостоятельная процессуальная мера, отличная от наказания.

Период с 1715 по 1864 год можно считать вторым этапом формирования института задержания. Для него характерны – введение терминов, связанных с подозрением; попытки разграничить статусы подозреваемого и обвиняемого; признание проблемы содержания под стражей без обвинения;

¹ Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 1. С. 524.

² История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. М., 1955. С. 50.

закрепление права на судебное обжалование ареста. Однако основания для возникновения подозрения так и не были чётко определены.

Коренной перелом связан с судебной реформой 1864 года и принятием Устава уголовного судопроизводства (УУС). Он разделил дознание (полицейское) и предварительное следствие (судебное). Статьи 51 и 257 УУС детально регламентировали права полиции на кратковременный арест, указав исчерпывающий перечень оснований, таких как поимка на месте преступления, наличие явных улик или попытка к побегу. Законодатель систематизировал процедуры задержания, допроса, освобождения и ввёл прокурорский надзор.

Несмотря на прогресс, УУС имел существенные пробелы – не определял процессуальный статус и права подозреваемого, не устанавливал чётких сроков передачи его следователю и не различал понятия «задержание» и «арест». Срок полицейского задержания оставался неопределённым¹.

Попытки исправить эти недостатки предпринимались в проекте УУС 1900 года и особенно в «Законе о преобразовании местного суда» 1912 года, который ввёл для задержанных по ст. 51 УУС правило обязательного освобождения или привода к судье в течение 24 часов. Однако это правило не распространялось на случаи, предусмотренные ст. 257 УУС.

Издание «Уголовного уложения по преступлениям государственным» 22 марта 1903 года предоставило офицерам жандармерии и полиции более широкие полномочия по заключению под стражу в рамках дознания, в том числе по делам о менее тяжких преступлениях, если это требовалось для предотвращения сговора обвиняемых или сокрытия следов преступления.

Законодательные инициативы Временного правительства, прерванные событиями октября 1917 года, не получили завершённого оформления, и на практике в основном сохраняли действие прежние нормы. Этим завершился третий этап становления института задержания, ключевыми чертами которого стали: первое законодательное употребление термина «подозреваемый»,

¹ Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 1. С. 599.

формулировка оснований для подозрения и закрепление задержания как самостоятельной меры принуждения в рамках полицейского дознания.

В советский период понятие «задержание» получило самостоятельное нормативное закрепление с чётким отделением от понятия «арест». Так, уже в 1918 году Постановление Наркома юстиции предоставило народному судье право на единоличное принятие решения о задержании с последующим утверждением его судом. Декрет ВЦИК от 1919 года закрепил за трибуналами право проверки законности содержания под стражей, а ведомственные инструкции 1920 года возложили на милицию обязанность задерживать подозреваемых до прибытия судебных властей, устанавливая при этом обязанность уведомления суда или следствия в трёхдневный срок.

Создание ГПУ в 1922 году расширило полномочия по аресту в отношении государственных преступлений, однако законодатель по-прежнему не разделял процедуры задержания и ареста, что на практике вело к их отождествлению. Данный период (1917 – 1922 гг.) характеризовался стагнацией в развитии института задержания: использовалось разрозненное законодательство, а полномочия были рассредоточены между множеством органов, чья деятельность регулировалась в основном репрессивными, а не процессуальными актами.

Переломным моментом стали УПК РСФСР 1922 и 1923 годов, которые впервые детально регламентировали задержание как прерогативу милиции (органа дознания). Были чётко определены цели, основания (фактически унаследованные от УУС 1864 г.), сроки и порядок уведомления. Закон устанавливал обязанность сообщить суду или следователю о задержании в течение 24 часов, после чего у этих органов было 48 часов на санкционирование ареста, что в сумме составляло предельный 72-часовой срок содержания под стражей. Основы уголовного судопроизводства 1924 года сохранили этот подход, закрепив задержание как предварительную меру, применяемую исключительно органами дознания без права самостоятельного ареста.

В 1930-е годы, с ужесточением политического курса, произошёл откат от процессуальных гарантий. Внесудебные органы («тройки» НКВД) получили право выносить решения, в том числе о расстреле, на основе минимальных материалов, а циркуляр 1937 года и вовсе предписывал устранить из официального оборота термин «подозреваемый»¹. Некоторое восстановление законности после 1938 года было прервано войной, в условиях которой военные власти вновь получили широкие полномочия по задержанию.

Таким образом, период с 1922 по 1958 год стал этапом первой полноценной кодификации, когда задержание было детально регламентировано и законодательно отделено от ареста, однако на практике эти гарантии неоднократно сводились на нет внепроцессуальными репрессивными мерами.

Новый этап начался с принятия Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года и УПК РСФСР 1960 года. Задержание было закреплено как неотложное следственное действие, право на его производство получили и следователи. Были подтверждены 72-часовой общий срок и 24-часовой срок для уведомления прокурора. Кодекс чётко определил подозреваемого как лицо, к которому применено задержание или мера пресечения до предъявления обвинения, и наделил его конкретными правами, а также установил строгие требования к оформлению протокола задержания². Это завершило формирование задержания в советском праве как комплексного, формально гарантированного процессуального института.

На протяжении достаточно длительного периода времени оставалось без должного внимания право граждан на обжалование в суде фактов задержания. Существенным шагом в развитии этого положения стало принятие 22 ноября 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина, которая

¹ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 22, 149, 162.

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Т. I. М.: Госюриздат, 1957. С. 680.

провозглашала право обжалования в суде решений, нарушающих закон, превышающих полномочия или ущемляющих права граждан, в том числе при производстве задержания.

Однако при внесении соответствующих изменений в УПК РСФСР законодатель в статье 11 ограничился наделением арестованного правом на судебную проверку законности и обоснованности содержания под стражей, а в статьях 220.1 и 220.2 прямо указал на возможность обжалования в суде меры пресечения в виде заключения под стражу. Несмотря на отсутствие в УПК РСФСР конкретной нормы о судебном обжаловании задержания, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29 сентября 1994 г. № 6 указал, что жалоба задержанного лица, его защитника или законного представителя на законность и обоснованность задержания должна приниматься судом к производству и разрешаться по существу в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке¹.

Таким образом, эволюция нормативного регулирования задержания в России представляет собой длительный и сложный процесс, отражающий общие тенденции развития государственности и правовой системы. От первоначальных упоминаний в древнерусских памятниках права, где задержание существовало как силовой захват и доставление лица, часто по инициативе потерпевшего, институт прошёл путь до детально регламентированной процессуальной меры с системой гарантий прав личности. Основным вектором исторического развития института задержания в России стал постепенный переход от силового, нерегламентированного и репрессивного инструмента власти к формализованной процессуальной мере, ограниченной законом и направленной на баланс между эффективностью расследования и защитой прав и свобод человека. Однако, как показывает история, этот баланс остаётся хрупким и требует постоянного совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

¹ Наумова М.В. Эволюция правового института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5. С. 543–553.

ГЛАВА 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА

2.1. Цели, мотивы, условия задержания

Эффективность уголовно-правовой политики напрямую зависит от процессуальных инструментов, применяемых на практике. Задержание подозреваемого, будучи зачастую отправной точкой уголовного преследования, является тем этапом, где обеспечение прав личности имеет критическое значение. В этот момент формируются первые доказательства, и любое нарушение со стороны должностных лиц может иметь серьёзные последствия. Хотя задержание как мера ограничения свободы объективно необходимо для раскрытия преступлений, его применение должно быть строго регламентировано.

В научной доктрине отсутствует единство взглядов по многим фундаментальным аспектам института задержания, включая вопрос о его целях. Определение этих целей имеет ключевое значение, поскольку от их чёткой законодательной фиксации зависят обоснованность и правомерность применения данной меры в каждой конкретной ситуации. П.Л. Сурихин справедливо указывает, что «нечеткое понимание цели не позволит обеспечить эффективность данной меры, а ее расширительное толкование может повлечь необоснованное ограничение прав и законных интересов граждан»¹. В.Н. Григорьев, в свою очередь, обращает внимание на существование «бытового» понимания целей задержания среди практиков, таких как понуждение к даче показаний, получение признания вины или наказание за несотрудничество². Подобные цели должны признаваться неправомерными, а задержание, преследующее их, – незаконным.

¹ Сурихин П.Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления// Уголовный процесс. – 2005. №7. – С.12.

² Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 2001. С.70-71.

Некоторые ученые считают, что цель задержания представляет собой предотвращение противоправных действий и выяснение причастности задержанного к совершению уголовного преступления. Так, Исламов М.Э. и Омеляненко Г.Н. отмечают, что «одной из целей задержания является выяснение причастности задержанного к преступлению»¹.

Несмотря на то, что в УПК РФ отсутствует формальное определение целей задержания, анализ правовых норм позволяет выделить два ключевых направления: во-первых, проверка причастности подозреваемого к инкриминируемому деянию, и, во-вторых, решение вопроса о необходимости применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Отсутствие законодательно закрепленной цели является предметом правовых дискуссий, поскольку, как отмечается, именно четкая формулировка целей определяет правомерность и обоснованность задержания в каждой конкретной ситуации. Как справедливо отмечается П.Л. Сурихиным «нечеткое понимание цели не позволит обеспечить эффективность данной меры, а ее расширительное толкование может повлечь необоснованное ограничение прав и законных интересов граждан»².

В.Н. Григорьев отмечал, что в правоприменительной деятельности встречается искаженное, неформальное толкование целей задержания, которое можно охарактеризовать как «бытовое». Данное представление сводится к использованию задержания в качестве инструмента для понуждения подозреваемого к даче признательных показаний, как карательной меры за отказ от сотрудничества со следствием, или как предлога для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Иногда его ложно обосновывают необходимостью защиты подозреваемого от самосуда. Подобный подход, обусловленный различными причинами, неизбежно влечет за собой грубые нарушения законодательства, включая неправомерные

¹ Исламов М.Э. Цель задержания лица по подозрению в совершении преступления // Бизнес в законе. – 2007. – №3. – С.28.

² Сурихин П.Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления / П.Л. Сурихин. // Уголовный процесс. – 2005. – № 7. – С. 12.

задержания и злоупотребление должностными полномочиями вплоть до использования института задержания в преступных целях¹. «В связи с чем, следует изначально считать незаконным задержание, преследующее иные (непроцессуальные) цели»². «Отметим также, что за заведомо незаконное задержание предусмотрена уголовная ответственность по ч. 1 ст. 301 УК РФ»³.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве цель задержания не указана. В свое время она была определена в «Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления»⁴, где указывалось, во-первых, выяснить, действительно ли человек причастен к преступлению, и во-вторых, решить, нужно ли его заключать под стражу на время следствия.

Эта старая формулировка настолько устоялась, что ее до сих пор приводят во всех учебниках и научных статьях. Логика здесь проста, и ее разделяют многие юристы, задерживать человека по любым другим причинам противоречит самому смыслу этой меры. Интересно, что некоторые специалисты считают эти две задачи не отдельными целями, а одной целой, ведь в реальной жизни они всегда неразрывно связаны. В юридической литературе иногда отмечается двуединство цели, а не две ее цели логично предполагаемых из указанной нормы. Это связано с их неразрывностью применительно к конкретному задержанию.

В теории уголовного процесса называются и иные цели задержания подозреваемого. В частности, А.И. Трусов «включает в цель задержания не только выяснение причастности задержанного к преступлению и разрешение

¹ Ковтун Н.Н. Кузнецов А.П. Судебный контроль законности и обоснованности задержания подозреваемого // Российский судья. – 2004. – № 7. – С. 36.

² Абдрахманов Р. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. – 2003. – № 3. – С. 21-22

³ Лавдаренко Л.И. Применение задержания в контексте обеспечения публичных и частных интересов // Российский следователь. – 2023. – № 12. – С. 25-29

⁴ Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. Утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 года (утратило юридическую силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 29. – Ст. 426.

вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, но и выяснение его личности»¹. На наш взгляд, с этим нельзя согласиться, поскольку выяснение личности подозреваемого, является, как правило, составной частью выяснения причастности задержанного к преступлению и в качестве отдельной цели задержания выделять её вряд ли целесообразно.

Согласно мнению исследователей А.П. Гуляева, В.С. Чистяковой, Д.Д. Максарова, И.Л. Петрухина, В.А. Михайлова и некоторых других, «к целям задержания, помимо доставления подозреваемого для производства неотложных следственных действий, также относятся: а) пресечение преступной деятельности подозреваемого, а также предупреждение совершения им новых преступлений, если имеются достоверные сведения о подготовке к ним; б) устранение препятствий на пути расследования, которые может создать подозреваемый, находясь на свободе. К таким препятствиям относятся: уничтожение следов и иных доказательств преступления, сговор со свидетелями, соучастниками, их подкуп или запугивание, искажение или подлог документов и т.п.; в) пресечение возможного побега лица, предположительно совершившего преступление»².

«По поводу приведенных точек зрения о целях воспрепятствования подозреваемому продолжать преступную деятельность, скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины, то, по мнению И.А. Веретенникова, их точнее характеризовать как задачи задержания, а сведения о подобных намерениях справедливо и традиционно относятся к мотивам задержания»³.

С точки зрения А.П. Рыжакова и А.В. Ольшевского, «выяснение причастности лица к преступлению и решения вопроса о применении к нему

¹ Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. – С. 137.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 2001. – С.291; Максаров Д.Д. Подозреваемый и процессуальные вопросы его задержания // Право и жизнь: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1967. – С. 47; Михайлов В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве РФ. – М.: Ин-т защиты предприним., 1997. – С. 55; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2002. – С. 153.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2002. – С. 156.

меры пресечения – это уже не цели, а задачи уголовно-процессуального задержания, которые требуют своего решения каждый раз, когда данная мера уголовно-процессуального принуждения осуществляется»¹. Правда А.В. Ольшевский, «в дальнейшем, все же делает вывод и приводит определение целей задержания полностью соответствующее общепринятой точке зрения»².

С.Б. Россинский справедливо отмечает, что «основная цель задержания подозреваемого – это обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», т.е. в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста»³.

На наш взгляд, различность вышеизложенных подходов свидетельствует о некотором смещении понятий цели, мотива и задачи. Эти понятия очень близки, тем не менее, не совпадают. Цель – это «идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс»⁴, «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия»⁵. В свою очередь «мотив (от лат. *motio* – движение; душевное движение, эмоция) – внутреннее побуждение к действию, поступку. Мотив следует отличать от стимула – внешнего побуждения к действию внешними

¹ Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. / Науч. рук. А.П. Гуляев; Московский университет МВД России. – М., 2006 – С. 33; Рыжаков А.П. Уголовный процесс. – М.: Издательство ПРИОР, 1999. – С. 322.

² Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. / Науч. рук. А.П. Гуляев; Московский университет МВД России. – М., 2006 – С. 35.

³ Россинский С. Б. Дискуссия «Тарасов vs Россинский» о задержании подозреваемого : подведение первых итогов // Юридический вестник Самарского ун-та. 2019. № 5. С. 13–19.

⁴ Панокин А.М. Задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 4. С. 28

⁵ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – С. 512.

обстоятельствами. В качестве мотивов поступков могут выступать различные элементы сознания: а) потребности, интересы, желания; ... б) принятые в данном обществе людей и сознательно воспринятые личностью моральные, правовые и другие нормы поведения, регулирующие взаимные отношения людей, а также отношения личности и общества. Мотив предшествует поступку как субъективная воля, определяющая характер поступка»¹.

Н.Н. Ковтун подчеркивает, что «указание мотива в протоколе задержания – важнейшее условие его законности, мотив объясняет логику правоприменителя, показывая, почему требуется кратковременное лишение свободы конкретного человека»².

Этот мотив служит внутренним регулятором, направляющим действия должностного лица. Формируемая им цель должна соотноситься с объективной реальностью и возможностями, что иллюстрирует диалектику свободы и необходимости в человеческой деятельности.

Однако для воздействия на действительность цель требует практических средств достижения. Цели при этом различаются по масштабу, срочности и функции бывают общими и частными, отдаленными и непосредственными, промежуточными и конечными³.

Мы солидарны с мнением П.Л. Сурихина, о том, что иные цели задержания, указываемые различными учёными, на самом деле являются задачами задержания. Они носят более частный характер и не отражают предназначение задержания в целом⁴. Посредством решения комплекса таких задач, стоящих перед задержанием, будет обеспечиваться достижение его двуединой цели.

¹ Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 659.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юристъ, 2014. – С. 244.

³ Гайдышева М.Г. К вопросу об уголовно – процессуальной регламентации оснований задержания подозреваемого. // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – Калининград – 2015. – № 2(40). – С.18-20.

⁴ Сурихин П.Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления / П.Л. Сурихин. // Уголовный процесс. – 2005. – № 7. – С. 14.

Можно утверждать, что само по себе задержание само по себе не может служить доказательством причастности человека к преступлению. Оно лишь создаёт условия для установления этой причастности и для принятия обоснованного решения о помещении под стражу. Таким образом, задержание подозреваемого помогает достичь целей уголовного судопроизводства.

По мнению Е.Г. Васильевой, «задержание только ради выяснения причастности лица к преступлению и решения вопроса о применении к нему меры пресечения, при отсутствии желания у задерживаемого лица скрыться, продолжить преступную деятельность или скрыть (уничтожить) доказательства, не совсем оправдано – эти вопросы вполне можно решить и не задерживая лицо, личность и местонахождение которого известно. Свобода же должна ограничиваться только тогда, когда без этого достижение поставленных целей невозможно»¹. Подобная трактовка фактически парализует применение задержания, так как в реальности подозреваемые практически никогда публично не озвучивают планы по сокрытию, уничтожению доказательств или продолжению преступления. Между тем, оценка этих рисков составляет саму суть мотивов задержания и не может игнорироваться правоприменителем.

П.Л. Сурихин считает, что «цель задержания можно сформулировать как создание благоприятных условий для установления причастности лица к совершению преступления и принятия обоснованного решения о заключении данного лица под стражу»². Несмотря на общую поддержку данной дефиниции, нельзя обойти вниманием ее внутренние противоречия и несоответствие правовому контексту. Использование оценочной категории «благоприятные условия» юридически некорректно; адекватнее говорить об условиях, не препятствующих законному производству действий.

¹ Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Монография. – Уфа: Издательство Башкирского государственного университета, 2003. – С. 33.

² Сурихин П.Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления / П.Л. Сурихин. // Уголовный процесс. – 2005. – № 7. – С. 15.

Более серьезная проблема – заложенная в определении презумпция виновности. Указание на «установление причастности» предопределяет результат расследования, направляя его в русло обоснования ареста, который в рамках такого подхода становится логически неизбежным.

Этот концептуальный изъян усугубляется законодательной неопределенностью. Требуя указания мотивов задержания (ч. 2 ст. 92 УПК РФ) для обеспечения его обоснованности, сам УПК РФ умалчивает о том, что следует понимать под таковыми. В юридической науке также нет единого мнения на понятие мотивов и их перечня. Так, по мнению К.Б. Калиновского, «под мотивами следует понимать основания для применения мер пресечения»¹.

Анализ доктринальных подходов позволяет выделить две основные точки зрения на природу мотивов задержания. Первая, представленная В.В. Вандышевым, идентифицирует мотивы с юридическими фактами, служащими стимулом для избрания меры пресечения (например, опасность сокрытия подозреваемого).

Вторая, более комплексная позиция, принадлежит Т.Б. Безлепкину. «Он понимает под мотивами субъективные побуждения правоприменителя, детерминированные объективными материалами дела и направленные на нейтрализацию четко определенных угроз процессу: риска уклонения лица, воспрепятствования расследованию или занятия им новой преступной деятельностью»².

Как отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский «мотивами задержания являются опасения в том, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может воспрепятствовать производству по делу: скрыться, продолжить преступную деятельность или помешать установлению истины (угрожать свидетелю, иным участникам процесса, уничтожить

¹ Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебное пособие : СПб.: Питер, 2009. – С. 101.

² Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: Учебное пособие. М.: Прогресс. 2026. – С. 89.

доказательства)»¹. Практически аналогичное мнение содержится в основных положениях диссертации А.В. Ольшевского, который отмечает, что «мотивы уголовно-процессуального задержания – это основанные на материалах уголовного дела обоснованные опасения, что, находясь на свободе, лицо, подозреваемое в совершении преступления, скроется от дознания или предварительного следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует производству по уголовному делу, побуждающие орган дознания, дознавателя, следователя или прокурора применить уголовно-процессуальное задержание к данному лицу»². Последний автор все опасения видит, по сути, в случаях, не терпящих отлагательств. Тем самым мотив есть некая вероятность (риск) наступления негативных последствий, указывающих на обстоятельства, нетерпящие отлагательств.

Зачастую, практические работники, заполняя протокол задержания, испытывают затруднения при заполнении в бланке протокола графы «Основания, мотивы и другие обстоятельства задержания». Абсолютно не верным на наш взгляд является копирование положений ст. 91 УПК РФ. Основания задержания необходимо формулировать исходя из фактических обстоятельств, зафиксированных в материалах дела. Это может звучать так: «потерпевший Иванов И.И. прямо указал на Петрова П.П. как налицо совершившее нападение 25.07.2025 года в 23.45 в районе дома № 15 по ул. Воронова г. Красноярск».

Мотивы задержания можно определить как оценку следователем вероятности негативных последствий, если не задержать лицо, причастное к преступлению. Эти обстоятельства требуют немедленных действий.

По мнению В.Ю. Мельникова, мотивы задержания – это побудительные причины, которые обуславливают применение органами предварительного

¹ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. Краткий курс. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. С.116.

² Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С.8.

расследования такой меры процессуального принуждения, как задержание. Мотив может сформироваться и под влиянием оперативно-розыскной информации о намерениях заподозренного лица скрыться или продолжить преступные действия¹.

Законодатель оперирует понятием «мотив задержания», не давая ему прямого определения. На практике под мотивом понимают информацию о наличии конкретных угроз, таких как возможность продолжения подозреваемым преступной деятельности, его уклонения от правосудия, сокрытия или активного воспрепятствования расследованию.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что правовое регулирование и теоретическое осмысление института задержания характеризуются значительной неопределенностью, что создаёт риски как для эффективности уголовного преследования, так и для гарантий прав личности. Выявленные противоречия между доктринальными подходами, законодательным молчанием по ключевым дефинициям и правоприменительной практикой подчёркивают настоятельную необходимость чёткой законодательной регламентации целей и мотивов задержания. Это позволило бы обеспечить единообразное понимание данного института, минимизировать риски незаконного ограничения свободы и повысить эффективность задержания как меры процессуального принуждения, строго подчинённой задачам уголовного судопроизводства.

2.2. Основания задержания подозреваемого

Уголовно-процессуальное задержание имеет свою уникальную юридическую природу, а также определенные основания и установленный порядок проведения. Исходя из общепринятого лексического значения,

¹ Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 94-104.

основанием считается обстоятельство, достаточное для оправдания того или иного действия¹. Следовательно, в контексте уголовного судопроизводства основания задержания представляют собой условия, при наличии которых эта мера считается правомерной. В специальной литературе данное понятие сужается до конкретных фактических данных, указывающих на причастность лица к совершению преступления определённой категории (тяжести). Позиция, отождествляющая основания задержания с установленными фактами, является преобладающей в научной среде.

По мнению профессора А.А. Чувилева, «основаниями задержания являются фактические данные, которые позволяют заподозрить лицо в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы»². В свою очередь, И.Л. Петрухин говорил о том, что «сам перечень всех оснований задержания представляет собой набор доказательственных ситуаций и фактов, наличие которых должно быть достаточно для подозрения лица в совершении преступления, и несомненно его задержания»³. И.Д. Гайнов не соглашается с данными мнениями, и считает, что «основания уголовно-процессуального задержания – это совокупность юридически значимых фактов, предусматривающих ситуацию, при возникновении которой отсутствуют сомнения в причастности подозреваемого лица к совершению преступного посягательства и необходимости задержания данного лица»⁴.

Формулировка названия статьи 91 УПК РФ содержит внутреннюю логическую проблему. Если исходить из ее буквального смысла, задержание возможно только в отношении лица, уже обладающего процессуальным статусом подозреваемого. Однако процессуальная действительность

¹ Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова. М.: Сфера. 1998. С. 312.

² Чувилев А.А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу: Учеб. пособие – М.: ВШМ МВД СССР. 1982. – С. 29

³ Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждения в уголовном процессе. – М.: Наука, -1990. С. 25.

⁴ Гайнов И. Д. Основания уголовно-процессуального задержания: теоретические и практические проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №8. С. 83 – 86.

указывает на обратное: задержание само по себе служит основанием для придания этого статуса в рамках уже возбужденного дела. Это порождает дилемму о законности процедуры до момента возбуждения уголовного дела. В связи с этим предлагается скорректировать название на более точное: «Основания задержания лица по подозрению в совершении преступления», что отражает истинную правовую природу данного действия.

Как отмечает С.Б. Россинский, «система оснований задержания в ст. 91 УПК РФ дифференцирована: три строгих основания перечислены в части 1, а одно – в части 2, является оценочным и оставляет пространство для профессионального усмотрения следователя при соблюдении предусмотренных условий»¹. Такая модель, включающая как формальные, так и оценочные критерии, является традиционной для отечественного уголовного процесса и находит отражение в законодательстве ряда зарубежных стран.

Основание, предусмотренное пунктом 1 статьи 91 УПК РФ, применяется, если лицо застигнуто в процессе совершения преступления или сразу после его окончания. При этом сам факт задержания «на месте», даже будучи очевидным, подлежит обязательному и полному процессуальному исследованию. По мнению И.С. Тройниной, «для более точного применения данной нормы, в нее необходимо внести некоторые изменения, а именно в пункт 1 статьи 91 УПК РФ когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после завершения преступных действий, в том числе в процессе непрекращающегося преследования»².

Сложившаяся практика толкует это основание расширительно, распространяя его и на ситуации, когда лицо застигнуто при приготовлении к

¹ Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чём причины существующих противоречий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. № № 3 (52). С. 9-16

² Тройнина И.С. Некоторые аспекты задержания подозреваемого по уголовно-процессуальному законодательству России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. № 1. – С. 239-241

преступлению или покушении на него, несмотря на отсутствие прямой ссылки на эти стадии в тексте закона.

Первый пункт статьи 91 УПК РФ, связанный с задержанием «на месте», налагает на сотрудников обязанность документально зафиксировать происшествие (составить рапорт) и впоследствии быть допрошенными, а с граждан берутся объяснения. Критически важно, что нахождение лица на месте происшествия или даже его бегство – это лишь обстоятельства для подозрения, но не безусловное доказательство вины. Без выяснения мотивов и установления связи между действиями лица и преступным результатом такое задержание рискует стать необоснованным.

Задержание по второму основанию – на основании указания потерпевших или очевидцев – носит, как правило, отсроченный характер. Его результативность напрямую зависит от скорости работы с доказательственной информацией. Форма закона («потерпевшие», «очевидцы» — мн.ч.) порождает дискуссию о достаточности показаний одного человека. Системное и логическое толкование нормы позволяет сделать вывод, что законодатель отразил типичную ситуацию, но не установил количественный ценз. Следовательно, задержание по п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ может быть правомерно и на основании показаний единственного потерпевшего или свидетеля.

«По большому счету потерпевшие могут лишь предположить, кто совершил преступное деяние, поскольку они не всегда являются очевидцами данного события»¹.

«Важно отметить то, что очевидцы и потерпевшие в своих показаниях не обязательно должны указывать имя, фамилию и отчество лица, совершившего преступления, иногда достаточно того факта, что они подтвердили его причастность к преступлению»². Для задержания по данному

¹ Россинский, С.Б. Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – N 10. – С. 71-79.

² Воронов Д.А. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, непосредственно после его доставления в орган дознания // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 24.

основанию необходима достаточная информация для идентификации лица. Если потерпевший или свидетель не знают ФИО подозреваемого, обязательным минимумом становится подробное описание его примет. В противном случае правовых оснований для задержания не возникает.

Кроме того, такие показания, как и любые другие, требуют тщательной проверки на согласованность с остальными собранными доказательствами. Это основная процессуальная гарантия от ошибок.

Итоговый принцип заключается в следующем – основанием для задержания могут служить исключительно подтверждённые и точные данные, а не предположения, слухи, домыслы.

По третьему основанию задержание возможно при обнаружении явных следов преступления на человеке, его вещах или в месте проживания. Такие данные выступают косвенными доказательствами, устанавливающими опосредованную связь лица с совершенным преступлением.

При этом УПК РФ не раскрывает содержание понятия «следы», что представляется логичным, учитывая невозможность предусмотреть в законе всё многообразие их видов и форм.

По мнению В.М. Тогулаева, «для того чтобы следы могли служить основанием для задержания, они должны удовлетворять по меньшей мере четырем условиям: должны носить явный характер; быть обнаружены непосредственно на подозреваемом, одежде, при нем или в его жилище; должны быть процессуально закреплены протоколом осмотра, обыска, освидетельствования должны опосредовать связь между преступлением и подозреваемым»¹. И.Д. Гайнов считает, «что наличие следов на подозреваемом лице может быть отражено в рапортах сотрудников, доставивших последнего, в объяснениях потерпевших и очевидцев»².

¹ Тогулаев В.М. Задержание в системе мер процессуального принуждения в советском уголовном судопроизводстве: Дис. канд. юрид. наук. – М.: ВНИИ Укрепления законности и правопорядка, – 1992. – С. 100

² Гайнов И. Д. Основания уголовно-процессуального задержания: теоретические и практические проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №8. С. 83 – 86.

Рассмотрим исследование оснований задержания на примере. Так, 10.08.2024 совершено тайное хищение из ювелирного магазина, злоумышленник разбил витрину, похитил драгоценности на сумму свыше 2 млн рублей и скрылся. На месте преступления были обнаружены следы пальцев на осколках витрины; следы обуви возле разбитого окна; фрагмент ткани (клочок куртки), застрявший в осколках стекла. По базе данных один из следов совпал с отпечатками пальцев гражданина А., ранее судимого за кражи. Кроме того, в квартире гражданина А. при обыске нашли куртку с разорванным рукавом; рядом с его домом обнаружили ботинки, соответствующие следам у магазина; соседи сообщили, что видели его вблизи магазина накануне преступления.

На этом основании гражданина А. задержали и предъявили обвинение. Однако следствие провело всестороннюю проверку всех доказательств. Экспертиза отпечатков пальцев показала, что отпечаток на витрине оставлен не всей ладонью, а лишь частью – вероятно, когда кто-то трогал осколки после разбития витрины. Дальнейший опрос свидетелей выявил: через 10 минут после срабатывания сигнализации к магазину подошёл гражданин А., чтобы «посмотреть, что случилось», и невольно оставил отпечаток. Трасологическая экспертиза следов обуви установила, что ботинки гражданина А. похожи по размеру, но рисунок подошвы не полностью совпадает со следами, обнаруженными у магазина. Криминалистическая экспертиза ткани подтвердила: фрагмент, найденный на стекле, действительно оторван от куртки гражданина А. Но микроскопический анализ показал, что кусок ткани с места происхождения не мог составлять единое целое с курткой. Проверка алиби выявила, что в момент преступления гражданин А. находился в другом районе города – это подтвердили записи с камер видеонаблюдения и показания двух свидетелей. Таким образом, гражданин А. был освобождён, а впоследствии установлена причастность к совершению преступления других лиц.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что «даже самые очевидные следы преступления, обнаруженные на подозреваемом, его одежде, при нём или в его жилище, в обязательном порядке подлежат всесторонней,

объективной и детальной проверке и оценке, что обусловлено тем, что в практике встречаются ситуации, когда такие следы обнаруживались у лиц, впоследствии оказавшихся непричастными к совершению инкриминируемого деяния»¹.

Предусмотренные УПК РФ основания для задержания носят исчерпывающий характер. Законодательство не допускает применения данной меры процессуального принуждения по каким-либо иным, не установленным кодексом, основаниям.

Встречается мнение о том, что формулировка оснований закрепленных в УПК РФ является не достаточно конкретной и «оставляет желать лучшего с точки зрения охраны прав личности от незаконного и необоснованного обвинения»². Основание для задержания, предусмотренное пунктом 1 части 1 статьи 91 УПК РФ, позволяет задерживать лицо, непосредственно застигнутое при совершении преступления или сразу после него. Из формулировки следует, что формально может быть задержано любое лицо, находящееся на месте преступления или вблизи него, даже при отсутствии иных данных, подтверждающих его причастность. Закон не обязывает правоохранные органы выяснять причины присутствия лица на месте происшествия. Вместе с тем такое задержание требует оперативных действий, поскольку предварительное установление причин нахождения могло бы повлечь потерю времени и усложнить раскрытие преступления.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, основанием для задержания является указание потерпевших или очевидцев на лицо как на совершившее преступление. Однако возможны ситуации, когда потерпевший не является очевидцем, например, если он не видел и не слышал преступника из-за внешних обстоятельств. В таких случаях вызывает сомнения правомерность

¹ Воронов Д.А. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, непосредственно после его доставления в орган дознания // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 26.

² Гайдышева М.Г. К вопросу об уголовно – процессуальной регламентации оснований задержания подозреваемого. Теория и практика правоохранительной деятельности. Калининград, 2015. С. 18.

задержания только на основании показаний такого потерпевшего. Предлагается рассматривать возможность задержания по "иным данным", предусмотренным ч. 2 ст. 91 УПК РФ.

Ошибки, приводящие к необоснованному задержанию по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ (обнаружение явных следов преступления), встречаются реже. Это связано с тем, что первые два основания часто применяются на начальном, неотложном этапе, когда обстоятельства дела еще не установлены полностью. «Основание же, связанное с обнаружением следов, обычно возникает позже, в ходе производства конкретных следственных действий, когда собрана определенная доказательственная база»¹. В данном случае ошибка может произойти когда «относимость обнаруженных следов преступления оценивается вне связи с другими обстоятельствами дела»².

Нельзя отрицать, что в правоприменительной практике возможны просчёты, связанные с человеческим фактором – квалификацией, опытом и логикой мышления должностного лица. Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает фундаментальные гарантии против произвола. Ключевой из них является закреплённое в статье 6 УПК РФ двойное назначение судопроизводства: защита прав жертв преступления и защита личности от незаконного ограничения её прав. Эти задачи не взаимоисключают, а дополняют друг друга, образуя баланс, который должен соблюдаться на всём пути от задержания до вынесения судебного решения.

Таким образом, эффективность и законность применения института задержания напрямую зависят от строгого соблюдения установленных оснований, их всесторонней проверки в системе всех доказательств по делу и

¹ Тогулаев В.М. Задержание в системе мер процессуального принуждения в советском уголовном судопроизводстве: Дис. канд. юрид. наук. – М.: ВНИИ Укрепления законности и правопорядка, – 1992. – С. 100

² Быкова А.В., Воскобойник И.О., Рытьков А.А. Особенности деятельности следователя по созданию условий для реализации прав подозреваемого и обвиняемого. Учебно – методическое пособие. Калининград, 2012. С.64.

неуклонного следования двойному назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), уравнивающим интересы правосудия и защиту личности от незаконного ограничения свободы.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Проблемы применения органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД), принудительных мер в виде задержания и личного досмотра при проведении оперативно -розыскных мероприятий (далее - ОРМ) относится к числу наиболее острых, что прежде всего обусловлено отсутствием их регламентации как в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее - ФЗ «Об ОРД»), так и в уголовно-процессуальном законодательстве, в части невозможности применения до возбуждения уголовного дела, что вызывает споры и дискуссии как в научной среде, так и среди правоприменителей.

Потребность в задержании с последующим личным досмотром в процессе ОРМ обычно возникает при реализации данных, полученных оперативным путем, включая ситуацию «задержания с поличным». Личный досмотр направлен на выявление и изъятие предметов и документов, потенциально обладающих доказательственным значением. Проведенный анализ показывает, что указанные действия производятся, как правило, до возбуждения уголовного дела. «Совокупность изъятых в ходе задержания объектов и иных материалов ОРД служит основанием для принятия в дальнейшем решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством»². «У задерживаемого лица при себе могут находиться предметы или вещества изъятые, или ограниченные в обороте, а также оружие и иные предметы, которыми он может причинить вред себе или окружающим, т.е. путем проведения личного досмотра решается вопрос собственной безопасности сотрудников»³.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Пикалов, И.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие / И. А. Пикалов. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – С. 145.

³ Магомед П.Р. Задержание как мера процессуального принуждения // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 143–145

«В целом отметим, что ситуация неурегулированности задержания и досмотра при проведении ОРМ негативно влияет на выявление и раскрытие преступлений, и связана с тем, что изъятые в ходе личного досмотра предметы и документы, как правило, являются основным доказательством преступной деятельности, а допущенные нарушения при обнаружении, изъятии и документальном оформлении влекут их недопустимость, как доказательств»¹. Вместе с тем, пробел в правовом регулировании рассматриваемого аспекта вынуждает оперативных сотрудников обращаться к процедурам задержания и досмотра, предусмотренным иными отраслями права.

«Рассматривая деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел (далее - ОВД) отметим, что Федеральный закон «О полиции» (далее - ФЗ «О полиции»)»² как статусный нормативный правовой акт, регламентирующий деятельность полиции, предусматривает право сотрудников оперативных подразделений полиции применять меры государственного принуждения - задержание и личный досмотр»³. «Так, ст. 14 содержит исчерпывающий перечень оснований задержания, применяемых полицией, анализ которых дает основание сделать вывод, что оно производится в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством (п. 1 ч. 1 ст. 14), а также для выполнения административных функций полиции»⁴. «Помимо этого ФЗ «О полиции» предоставляет сотрудникам оперативных подразделений ОВД право осуществлять личный досмотр граждан и находящихся при них вещей, в порядке, установленном законодательством об административных

¹ Канокова Л.Ю. Фактическое и процессуальное задержание в уголовном судопроизводстве: соотношение понятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8-2. – С. 58 – 61.

² О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

³ Воронов Д.А. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, непосредственно после его доставления в орган дознания // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 24.

⁴ Гемешлиева И.Ф. Проблемы допустимости задержания подозреваемого до возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. – 2021. – № 3. – С. 25–30.

правонарушениях, если имеются основания полагать, о том, что они имеют при себе изъятые и (или) ограниченные в обороте предметы и вещества, а также скрывают предметы хищения (п. 16, ст. 13)»¹. Таким образом, ФЗ «О полиции» не вводит какие-то самостоятельные нормы задержания и личного досмотра, а дублирует положения УПК России, а также КоАП России, регулирующих возможность осуществления указанных принудительных мер.

Так, КоАП России предусматривает административное задержание (п. 1 ст. 27.1, ст. 27.3-27.6), а также личный досмотр (ст. 27.7), в качестве мер обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях. «При этом отметим, что возможность использования административно-правовых инструментов в ОРД является острой и дискуссионной проблемой, вместе с тем устоявшаяся точка зрения говорит о недопустимости применения административных процедур в ОРД»². Так, «согласно ст. 2 ФЗ «Об ОРД» одной из задач оперативно-розыскной деятельности является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших»³. Таким образом, выявление административных правонарушений не входит в число задач ОРД. «Отдельно стоит отметить и позицию Конституционного суда России, согласно которой, если в ходе проведения ОРМ обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, дело оперативного учета подлежит прекращению»⁴, а также отметившего, что «административное задержание, как мера обеспечения производства по делам об

¹ Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций / О.В. Гладышева, В.А. Семенцов. – Москва: Юрлитинформ, 2018. С. 201.

² Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Допустимы ли административные задержание и досмотр в оперативно-розыскной деятельности? // Алтайский юридический вестник № 4 (32). – 2020. – С. 65-71.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Т. Ю. Вилкова и др. – Москва: Юрайт, 2018. – С. 195.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г.Черновой» и др. – URL:<https://sudact.ru> (дата обращения 15.01.2026)

административных правонарушений не может применяться в делах об уголовных правонарушениях»¹. Таким образом, можно сделать вывод о недопустимости применения норм законодательства об административных правонарушениях для решения задачи задержания и личного досмотра при проведении ОРМ.

Поскольку ОРД направлена на подготовку материалов для уголовного процесса, задержание и личный досмотр в ходе ОРМ правомерно анализировать в контексте уголовно-процессуального законодательства. УПК РФ определяет задержание подозреваемого как меру процессуального принуждения сроком до 48 часов (п. 11 ст. 5), началом которого является момент фактического лишения свободы передвижения (п. 15 ст. 5). Процессуальное оформление (составление протокола) должно последовать в трехчасовой срок после доставления к следователю (ст. 92 УПК РФ).

Таким образом, этап фактического задержания, предваряющий доставление, логично вытекает из проведения ОРМ. Это подтверждается нормой ст. 91 УПК РФ, которая в числе оснований для задержания указывает на поимку лица на месте преступления, что является типичной ситуацией для ОРМ. Тем самым законодатель допускает инициацию задержания в оперативно-розыском режиме с последующим его оформлением по правилам уголовного судопроизводства. «Вместе с тем, анализ современной юридической литературы показал, что в уголовно-процессуальной науке устоялась точка зрения, согласно которой имеется существенное различие между физическим задержанием (захватом) лица, которое также включает его последующее доставление в правоохранительные органы, от уголовно-процессуального задержания подозреваемого, как меры государственного принуждения»². Для начала отметим, что понятие «фактическое задержание»

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1997 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части первой статьи 1 Закона Республики Мордовия от 20 января 1996 года «О временных чрезвычайных мерах по борьбе с преступностью» в связи с жалобой гражданина Хайрова Р.К.». – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 15.01.2026)

² Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 89; Булатов

неоднозначно и допускает различные его интерпретации. В законодательной дефиниции подчеркивается, что фактическое задержание должно производиться в установленном УПК РФ порядке (п. 15 ч. 1 ст. 5), то есть в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, запускаемых при наличии повода для возбуждения дела. Ключевой же аспект, на который уже указывалось выше, заключается в том, что УПК РФ позволяет задерживать только лицо, уже признанное подозреваемым. Данный статус имеет однозначное толкование и обозначает участника судопроизводства, который может появиться исключительно после формального возбуждения уголовного дела. Таким образом, мы приходим к выводу, что уголовно-процессуальное законодательство не дает оснований для применения меры оперативно-розыскного принуждения в виде задержания. «Этой же точке зрения привержен Конституционный суд России, который неоднократно указывал, что задержание не предусмотрено в качестве принудительной меры, обеспечения подготовки и проведения ОРМ»¹.

Проанализировав возможность личного досмотра в рамках уголовного процесса, следует отметить, что УПК РФ допускает личный обыск подозреваемого или обвиняемого для обнаружения и изъятия предметов и документов, имеющих значение для дела (ст. 182, 184). Кроме того, такой обыск правомерен при задержании или заключении под стражу, а также если есть основания полагать, что лицо в обыскиваемом помещении скрывает при себе важные для дела предметы. Однако законодатель прямо не предусмотрел возможность проведения личного обыска до возбуждения уголовного дела. В

Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 47-49; Кальницкий В.В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) // Законодательство и практика. 2014. № 2. С. 82; Стельмах В.Ю. Правовая сущность физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 209.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлына С.М. на нарушение его конституционных прав статьей 5 и пунктом 4 статьи 10 Закона Российской Федерации «О милиции», а также статьей 2 и пунктом 7 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – URL:<https://sudact.ru> (дата обращения 15.01.2026)

перечне проверочных действий на данной стадии (ст. 144 УПК РФ) эта мера отсутствует, что делает её досудебное применение неправомерным.

Таким образом, несмотря на практическую потребность в задержании и досмотре в ходе оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), их осуществление в уголовно-процессуальном порядке невозможно. Правовая неурегулированность этих действий зачастую ведет к нарушениям со стороны оперативных сотрудников. Как показал анализ, на практике для решения задач ОРД нередко используются нормы КоАП РФ об административном задержании за различные правонарушения. Однако это порождает злоупотребления: задержания по надуманным предлогам (например, за мелкое хулиганство или неповиновение), а также факты фактического принудительного доставления и удержания лиц под видом «добровольного» присутствия для проведения ОРМ.

В условиях отсутствия законных оснований для досмотра при ОРМ также распространены нарушения при изъятии предметов. Нередко принудительный поиск не фиксируется, а изъятые вещи оформляются как «добровольно выданные». Например, в протоколах осмотра или актах ОРМ указывается, что предметы были визуально обнаружены на открытой поверхности или добровольно извлечены лицом из кармана, что зачастую маскирует реальный принудительный характер действий.

Таким образом, несмотря на серьезный пробел в законодательстве, которое не регулирует правоотношения, связанные с задержанием и личным досмотром лиц в ходе проведения ОРМ, их регламентация необходима, что подтверждается практикой деятельности подразделений, уполномоченных на осуществление ОРД. Полагаем, что решение ситуации, может лежать, как в рамках изменения уголовно-процессуального законодательства, так и оперативно-розыскного закона. Но вместе с тем, задержание и личный досмотр при проведении ОРМ необходимы для решения широкого спектра задач ОРД и часто за ними не следуют процессуальные проверки сообщения о преступлении и принятие решений в порядке УПК России. Как показало наше исследование, личный досмотр может потребоваться в отношении не только

задерживаемых, но и иных лиц – участников ОРМ, например, находящихся в месте проведения ОРМ, при наличии сведений, что они при себе имеют предметы и документы, имеющие значение для решения задач ОРД, а необходимость задержания может быть вызвана составлением документов по результатам проведенных ОРМ, путем доставления лиц в помещение оперативного подразделения, а также с целью установления личности и др.

Таким образом, мы приходим к выводу, что наиболее эффективным решением обозначенной проблемы является внесение изменений в ст. 15 ФЗ «Об ОРД» регламентирующую права органов, осуществляющих ОРД, и имплементации задержания и личного досмотра граждан в перечень прав органов, осуществляющих ОРД. С целью правового регулирования задержания и личного досмотра в оперативно-розыскной деятельности, по нашему мнению, в ФЗ «Об ОРД» необходимо внесение изменений: ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» дополнить нормами в следующей редакции: «Проводить задержание физических лиц в порядке, установленном федеральным законом, при наличии подтвержденных сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, о его причастности к совершению преступления и осуществляется с целью составления протокола оперативно-розыскного мероприятия, а также принятия решения о его задержании в порядке установленным уголовно-процессуальным законодательством». «Осуществлять в порядке, установленном федеральным законом, при проведении оперативно-розыскных мероприятий личный досмотр физических лиц, досмотр находящихся при них вещей, их транспортных средств, если имеются основания полагать, что эти лица имеют при себе предметы и документы, подлежащие изъятию, имеющие значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности.».

Таким образом, законодательное урегулирование вопроса применения задержания и личного досмотра в ходе проведения ОРМ, путем внесения изменений в ФЗ «Об ОРД», позволит значительно повысить эффективность проводимых ОРМ и в конечном итоге положительно скажется на результативности деятельности правоохранительных органов России.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что институт задержания подозреваемого, регламентированный главой 12 УПК РФ, представляет собой сложный, многоаспектный правовой механизм, выполняющий ключевую роль на начальном этапе уголовного судопроизводства. Его основная цель — обеспечить установление причастности или непричастности лица к совершению преступления.

Исследование выявило ряд системных проблем в правовом регулировании и правоприменении:

1. Теоретическая неопределенность правовой природы задержания. В доктрине отсутствует единый подход: задержание рассматривается и как мера процессуального принуждения, и как следственное действие, и как комплексный феномен, сочетающий черты тактической операции, процессуальной комбинации и режимных мероприятий. Наиболее универсальной представляется концепция многоуровневой природы, согласно которой различные научные взгляды отражают разные стадии или стороны единого института.

2. Терминологические коллизии и противоречия в законодательстве. Существует логическое несоответствие между названием главы 12 УПК РФ («Задержание подозреваемого») и нормативным условием приобретения этого статуса (ст. 46 УПК РФ), который возникает лишь в результате самого задержания. Аналогичная коллизия наблюдается между названием ст. 91 УПК РФ и её текстом. Эти противоречия создают трудности в правоприменительной практике.

Предлагаем изменить название главы 12 УПК РФ на «Задержание и освобождение подозреваемого», изменить название ст. 91 УПК РФ на «Порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления».

Дополнить статью 91 УПК РФ частью 3, в следующей редакции: «В случае задержания подозреваемого в порядке исполнения постановления

следователя, дознавателя о задержании подозреваемого, срок задержания исчисляется с момента фактического задержания».

3. Двойственность процедуры – фактическое и процессуальное задержание. Законодательство и теория указывают на существование двух взаимосвязанных этапов: фактического задержания лица по подозрению (момент лишения свободы передвижения, регламентированный ст. 91 УПК РФ) и его последующего процессуального оформления (составление протокола по ст. 92 УПК РФ). Фактическое задержание выступает начальной стадией единой процедуры, а его документирование носит ретроспективный характер, что подтверждается позициями Конституционного и Верховного Судов РФ.

Предлагаем название статьи 92 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Протокол задержания подозреваемого, сообщение о задержании подозреваемого»;

4. Проблема допустимости задержания до возбуждения уголовного дела. Анализ закона и судебной практики подтверждает, что законодатель допускает приобретение статуса подозреваемого и применение задержания как меры принуждения на стадии проверки сообщения о преступлении, до вынесения соответствующего постановления. Это обусловлено неотложным, прогностическим характером данной меры, необходимой для обеспечения лица при проверочных действиях.

Предлагается формулировка авторских определений для доктринальной ясности:

Задержание подозреваемого – мера уголовно-процессуального принуждения, применяемая уполномоченными лицами для установления причастности лица к преступлению на срок до 48 часов с момента его фактического задержания, которое может предшествовать возбуждению уголовного дела.

Момент фактического задержания – момент фактического лишения свободы передвижения лица по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ.

5. Дефекты процедурной регламентации. К ним относятся – отсутствие императивной обязанности по задержанию, порождающее необоснованную свободу усмотрения; недостаточная четкость в определении момента начала фактического задержания и порядка исчисления его срока, особенно при доставлении; ограниченный (24-часовой) срок для допроса задержанного до возбуждения дела, что может препятствовать всесторонней проверке.

Считаем необходимо увеличить срок для проведения первого допроса задержанного до возбуждения дела с 24 до 48 часов, изменив ч. 2 ст. 46 УПК РФ. Это предоставит правоохрнительным органам достаточно времени для всестороннего анализа обстоятельств и принятия обоснованного решения.

Реализация данных предложений будет способствовать унификации правоприменительной практики, обеспечению конституционных прав задержанных лиц, повышению эффективности досудебного производства и укреплению законности при применении одной из наиболее строгих мер процессуального принуждения.

Список использованной литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СЗ РФ. - 2020. - № 11. - Ст. 1416.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон РФ [от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. Утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 года (утратило юридическую силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 29. – Ст. 426.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 (утратил юридическую силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Литература

7. Абдрахманов Р. Проблемы уголовно-процессуального задержания // Законность. – 2003. – № 3. – С. 21-22
8. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: Учебное пособие. М.: Прогресс. 2026. – 415 с.
9. Березина Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : ВНИИ МВД России, 2009. – 124 с.

10. Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова. М.: Сфера. 1998. – 912 с.
11. Быков В.М. Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. – 2007. – № 1. – 73-76.
12. Быкова А.В., Воскобойник И.О., Рытков А.А. Особенности деятельности следователя по созданию условий для реализации прав подозреваемого и обвиняемого. Учебно – методическое пособие. Калининград, 2012. – 288 с.
13. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий: учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977. – 349 с.
14. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Монография. – Уфа: Издательство Башкирского государственного университета, 2003. – 282 с.
15. Воронов Д.А. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, непосредственно после его доставления в орган дознания // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 24-29.
16. Гаврилов А.Н., Ефимичев С.П., Михайлов В.А., Туленков П.М. Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1975. – 214 с.
17. Гайдышева М.Г. К вопросу об уголовно – процессуальной регламентации оснований задержания подозреваемого. // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – Калининград – 2015. – № 2(40). – С.18-20.
18. Гайнов И.Д. Основания уголовно-процессуального задержания: теоретические и практические проблемы // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. №8. С. 83 – 86.
19. Гемешлиева И.Ф. Проблемы допустимости задержания подозреваемого до возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. – 2021. – № 3. – С. 25–30.

20. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. – М.: ЮрИнфор, 1999. – 124 с.
21. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания: учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 89 с.
22. Ендольцева А.В. Уголовный процесс: учебное пособие / А. В. Ендольцева. – Москва: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2024. – 448 с.
23. Исламов М. Э. Цель задержания лица по подозрению в совершении преступления // Бизнес в законе. – 2007. – №3. – С.28-31.
24. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. М., 1955. – 458 с.
25. Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебное пособие -СПб.: Питер, 2009. – 172 с.
26. Канокова Л.Ю. Фактическое и процессуальное задержание в уголовном судопроизводстве: соотношение понятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8-2. – С. 58 – 61.
27. Кирдина Н.А. Проблемы правовой регламентации института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 6. – С. 196-207.
28. Ковтун Н.Н., Кузнецов А.П. Судебный контроль законности и обоснованности задержания подозреваемого // Российский судья. – 2004. – № 7. – С. 36-42.
29. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Юнити, 2002. – 322 с.
30. Купряшина Е.А., Наумов Е.И. Проблемы задержания подозреваемого // Научный альманах. – 2015. – № 11-4. – С. 441-444.
31. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 525 с.
32. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. М.: Мысль, 2003. – 295 с.

33. Лавдаренко Л.И. Применение задержания в контексте обеспечения публичных и частных интересов // Российский следователь. – 2023. – № 12. – С. 25-29
34. Луценко О.А., Гемешлиева И.Ф. Задержание. Понятие, сущность, доказательственное значение данного правового института // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С. 118 – 122.
35. Магомед П. Р. Задержание как мера процессуального принуждения // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 143–145
36. Мельников В.Ю. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе: монография / Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов-н/Д, 2010. – 240 с.
37. Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 94-104.
38. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. – 159 с.
39. Наумова М.В. Эволюция правового института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 5. – С. 543–553.
40. Нека Л.И. Вопросы ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2. – С. 19–24.
41. Новикова Е.А. Сущность ограничения свободы по законодательству зарубежных стран // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 246-249.
42. Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. / Науч. рук. А.П. Гуляев; Московский университет МВД России. – М., 2006 – 49 с.

43. Панокин А.М. Задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 4. С. 28
44. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. – М.: Наука, – 2003. – 144 с.
45. Пикалов, И.А. Уголовно–процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие / И. А. Пикалов. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 419 с.
46. Победкин А.В., Яшин В.Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – 1-2. – С. 16-24.
47. Помощикова Н.В. Исторический аспект института уголовного наказания в виде ограничения свободы: Российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – №3 (21). – С.108-112.
48. Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 36 с.
49. Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чём причины существующих противоречий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3. – С. 9-16
50. Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. – 814 с.
51. Россинский С.Б. Дискуссия «Тарасов vs Россинский» о задержании подозреваемого : подведение первых итогов // Юридический вестник Самарского ун-та. – 2019. – № 5. – С. 13–19.
52. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 16 – 20.

53. Россинский С.Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. – С. 175-186
54. Россинский С.Б. Протокол – лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12. – С. 150-165.
55. Россинский С.Б. Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 10. – С. 71-79.
56. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. – 782 с.
57. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 466 с.
58. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Краткий курс. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. – 395 с.
59. Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 42 с.
60. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. – М.: Высшая школа, 1968. – 329 с.
61. Сурихин П.Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления / П.Л. Сурихин // Уголовный процесс. – 2005. – № 7. – С. 12-17.
62. Тарасов А.А. О процессуальной природе задержания подозреваемого // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2018. – № 1. – С. 79 – 83.
63. Тогулаев В.М. Задержание в системе мер процессуального принуждения в советском уголовном судопроизводстве: Дис. канд. юрид. наук. – М.: ВНИИ Укрепления законности и правопорядка, – 1992. – 188 с.
64. Токарева М.Е., Буланова Н.В., Быкова Е.В., Власова Н.А., Руденко С.В. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по

- уголовным делам / под ред. М.Е. Токаревой. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 258 с.
65. Томин В. Т., Зинченко И. А. Уголовный процесс. Проблемные лекции. М., 2019. С. 122.
66. Тройнина И.С. Некоторые аспекты задержания подозреваемого по уголовно-процессуальному законодательству России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1. – С. 239-241
67. Уголовно–процессуальное право Российской Федерации: учебник / Т.Ю. Вилкова и др. – Москва: Юрайт, 2018. – 428 с.
68. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 2014. – 390 с.
69. Уголовно–процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций / О.В. Гладышева, В.А. Семенцов. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 512 с.
70. Уголовный процесс: учебник / А. Н. Артамонов и др. – Москва: Юрайт, 2024. – 282 с.
71. Уголовный процесс: учебник / В. К. Бобров и др. – Москва: Юрайт, 2024. – 536 с.
72. Уголовный процесс: учебник / Л. М. Володина и др. – Москва: Проспект, 2023. – 452 с.
73. Уголовный процесс: учебник для среднего профессионального образования / Б.Б. Булатов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова.М.: Издательство Юрайт, 2020. – 410 с.
74. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. – М: Зерцало, ТЕИС, 1996. – 392 с.
75. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., пере- раб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 788 с.
76. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб.: Альфа, 1996. – 455 с.

77. Химичева О.В., Мичурина О.В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2015. – 380 с.
78. Ходжалиев С.А. Некоторые особенности применения наказания в виде ограничения свободы за рубежом // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 905-907.
79. Чельцов М.А. Уголовный процесс. – М.: МЮ СССР, 1948. – 428 с.
80. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Т. I. М.: Госюриздат, 1957. – 715 с.
81. Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Допустимы ли административные задержание и досмотр в оперативно-разыскной деятельности? // Алтайский юридический вестник № 4 (32). – 2020. – С. 65-71.
82. Чувилев А.А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу: Учеб. пособие – М.: ВШМ МВД СССР. 1982. – 226 с.
83. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. канд.юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2001. – 148 с.
84. Шамсутдинов М.М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 2. – С. 170 – 174.
85. Шейфер С.А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 91-95.
86. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. – 282 с.

Судебная практика

87. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. №11-П // Российская газета. 2000. 4 июня.
88. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1997 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части первой статьи 1 Закона Республики Мордовия от 20 января 1996 года «О временных чрезвычайных

мерах по борьбе с преступностью» в связи с жалобой гражданина Хайрова Р.К.» // Российская газета. 1997. 2 июля.

89. Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 301 Уголовного кодекса РФ наступает только в случае заведомо незаконного задержания лица: определение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2004 г. №44-о04-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 9.

90. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мелкомяна Эдуарда Мелкумовича на нарушение его конституционных прав положениями ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2009 г. №890-О-О. – URL:<https://sudact.ru> (дата обращения 15.01.2026)

91. Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И.Г. Черновой» и др. – URL:<https://sudact.ru> (дата обращения 15.01.2026)

92. Определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайляна С.М. на нарушение его конституционных прав статьей 5 и пунктом 4 статьи 10 Закона Российской Федерации «О милиции», а также статьей 2 и пунктом 7 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – URL:<https://sudact.ru> (дата обращения 15.01.2026)